

УТОПИЧЕСКИЙ ПЛАН АГРАРНОЙ МАГНЕЗИИ

(По «Законам» Платона)

Проф. А. В. Мишулин

I

Платон и его творения целиком принадлежат своей эпохе. Только тот социально-экономический кризис древней Греции, который на грани V—IV вв., захватив сначала Афины, постепенно увлекал потом и всю Элладу к драматической развязке, создал канву для того утопического мышления, для того лихорадочного метания социально-философской мысли в поисках общественного идеала, в котором платоновы творения выдвигаются на первый план по своей сложности, богатству зарисовок и художественной экспрессии. Платон, как утопист, целиком был создан этой эпохой. Несомненно также, что Платон в своих творениях отобразил основные черты современной ему действительности, преображенной в его фантазии. В своих творческих домислах, в идеалистическом полете мысли Платон не мог отвлечься при конструировании своих утопий от животрепещущего вопроса современной ему социальной действительности. Именно это обстоятельство позволяет выделить в утопиях Платона все то, чем болело греческое общество V—IV вв. до н. э., и что получило абстрактное выражение у Платона.

Если мы возьмем для рассмотрения «Политию» и «Законы» Платона, то и там и здесь речь по существу идет об одном и том же практическом и злободневном для интересов массы вопросе, хотя и при различных способах его решения,—вопросе о передвижении земельной собственности, оставившем за бортом жизни огромную массу мелких земельных собственников, а также о том разлагающем влиянии торгового капитала, который не мог не ударить и по классу старой земельной аристократии.

В «Πολιτεία», как известно, вопрос решается так, что в этом идеальном государстве вся земельная собственность передана сословию, или классу, производителей, а остальная, аристократическая часть общества, поставленная в особо привилегированное положение, посажена на оброк народной массы; последняя содержит царственных мудрецов и воинов только за то, чтобы в то время, как они будут созерцать божественные идеи, масса имела возможность безропотно созерцать нищету и убожество своего положения в убеждении того, что именно таким образом в «τὰ ἑαυτῶν πράττειν», т. е. в «делании своего» постигается благополучие государства. Здесь мы имеем последовательное, с точки зрения аристократической, решение Платоном основного вопроса о земельной собственности. Передача земельного фонда

классу производителей должна была освобождать высшие классы не только от житейских забот и хозяйства, но и от классовых нападений со стороны безземельного крестьянства, так как, казалось бы, незачем больше было нападать на аристократию¹.

Если бы когда-либо осуществилось такое государство, землевладельцы, освободившись от собственности, не потеряли бы ничего, кроме обузы, в то время как масса, ничего не имевшая, но получившая собственность, обрела бы одни лишь цепи.

Вопрос о социальных конфликтах, о которых с такой страстью говорит Платон в «Государстве», разрешался таким образом очень просто и незамысловато.

Даже для автора проекта этот план оказался слишком прозрачным, и он перешел к конструированию «второго по совершенству», более реального проекта государства в «Законах».

В «Государстве» Платон в центре внимания ставит высшие классы, вернее—благополучие государства ставит в зависимость от высоты моральных качеств правителей, их индивидуальных способностей и таким именно образом мыслит себе преодоление всех социально-экономических зол своего времени; здесь поэтому производственная деятельность еще не могла привлечь внимание Платона, и практические вопросы хозяйства и роли в нем класса производителей отодвинуты на самый задний план. Вполне понятно, что это очень слабо мирилось с той действительностью, которая внимание каждого политика и мыслителя фиксировала прежде всего на борьбе классов вокруг вопроса о разделе земель и сложении долгов,—вопроса, относительно которого в «Государстве» конкретно не давалось никакого решения².

Центр политического внимания в государстве «Законов» перемещается Платоном с вопросов этических, т. е. внешних, к вопросам экономическим, т. е. коренным. Глубокое разочарование, что «моральные, от природы заложенные в человеке свойства еще недостаточны для распознавания начал общественной жизни и их осуществления»³, приводит к признанию недостаточности одних моральных свойств. Платон в дальнейшем даже приходит к выводу и о том, что на мораль большое влияние оказывают, к его огорчению, силы экономического порядка: ἐπὶ πλεονεξίαν καὶ ἰδιωπραγίαν ἢ θυητῇ φύσιν αὐτὸν ὀρμησέαι ἀεί...⁴ А все это вместе заставляет его поставить совершенно иначе в государстве «Законов» и вопрос социальный, проблему организации нового социального порядка, отказавшись целиком от плана, развитого в «Государстве».

В намечении «второго по совершенству» проекта Платон исходит поэтому из того основного принципа, как бы ограничить увлекающий людей на пороки экономический интерес таким образом, чтобы в то же время повысить значение нравственных достоинств людей. Путь разрешения так поставленной проблемы лежал через компромисс «Государства» с действитель-

¹ По мнению Платона именно масса нападает на аристократию, а не наоборот. Поэтому Платон больше думает об ограждении аристократии от классовых нападений со стороны греческого демоса, чем о самом демосе, выносившем на себе всю тяжесть эксплуатации в древней Греции. См. «Politeia», 551, 417, 464.

² Нужно отметить, что вопрос о классе производителей («третье сословие») вообще очень мало освещен в «Государстве». См., например, «Politeia», 371, 434, 476, 552—555.

³ «Leges» 875a, Platonis Opera recognov. Ioan. Burnet. Oxonii 1905. Далее цит. это издание.

⁴ «Leges», 875b.

ностью, в приспособлении идеала к существующим историческим условиям. Но чтобы обеспечить приложение идеала к действительности хотя бы в известной и ограниченной степени, нужно было изучить самое действительность. А так как вся эта современная Платону действительность заострена была на вопросах аграрных преимуществ, а также и на роли торгового капитала в греческом полисе, то Платон обращает исключительное свое внимание на аграрную проблему, и все другие проблемы подчиняет ей. Уступка действительности заключается в том, что если в «Государстве» автор более занимается изучением высших классов, превознесением благодетельной роли их нравственных качеств, то в «Законах» ударение переносится на производящие классы, на регламентацию практической повседневной деятельности гражданина. Высшие классы—уже не просто носители нравственных идей, а аграрии, которые на практике должны показать, насколько они владеют моральными качествами.

Таков путь Платона от «Государства» к «Законам».

*

В исторической литературе о Платоне и его творениях некоторое время господствовало сомнение в принадлежности «Законов» Платону, а независимо от того или иного разрешения этого вопроса существует и поныне среди некоторых ученых другое, старое убеждение, что как «Законы», так и «Полития» относятся к области только социальных романов, исходные идеи которых, дескать, очень мало увязывались с жизнью древней Эллады и являются творением чистой фантазии или умозрения автора.

Что касается первого вопроса, то в настоящее время нужно считать окончательно отвергнутым сомнение в принадлежности «Законов» Платону, высказанное в свое время Астом и Шлеермахером. Упоминание о «Законах» в некоторых книгах «Политики» Аристотеля¹, а также у Диогена Лаэртского², нужно признать достаточно убедительными доказательствами в пользу теперь уже окончательно установившегося мнения об авторстве Платона. А платоновы письма не оставляют на этот счет никаких сомнений. В третьем письме Платона говорится, что он во время своего вторичного пребывания в Сиракузах, т. е. приблизительно в 367/66 г., вместе с тираном Дионисием составлял «вступления» к «Законам». Оставляя в стороне вопрос о подлинности писем, мы должны считать вполне возможным, что Платон после своих двух неудачных сицилийских экспериментов в действительности мог приступить к проекту «второго по совершенству» государства. И вполне вероятно, что те «вступления», о которых Платон говорит в третьем письме, были лишь предварительной зарисовкой «Законов», окончательную разработку которых Платон сделал после третьего своего и столь же, вернее—даже более, неудачного визита к Дионисию Младшему. Сопоставление же некоторых мест седьмого письма Платона с его «Законами» определенно обнаруживает, как это и доказал Raeder³, не только общность стиля, но и общность в употреблении отдельных терминов. Не только свидетельства Аристотеля и Диогена Лаэртского, но и письма Платона подкрепляют убеждение в том, что «второе по совершенству» государство принадлежит автору «Политии».

¹ «Политика», кн. II, VI, XI, перевод С. А. Жебелева.

² Диог. Лаэрт., III, 37 и др.

³ Raeder—Platonis philosophische Entwicklung, 1905.

Что же касается мнения о том, что «Законы» принадлежат только к области социальных романов и досуговой фантазии, то такое мнение последними исследованиями ученых опровергнуто и его нужно тоже считать устаревшим и неверным. Не случайно, что такое мнение было впервые, пожалуй, и высказано Астом, который и принадлежность-то «Законов» Платону опровергал, т. е. вообще не придавал им большой ценности, как определенному документу. Позднее эта точка зрения была поддержана Kleinwächter^{om}, Beloch^{om} и Hindelbrand^{om}¹. В настоящее время такое мнение можно считать несостоятельным совершенно. Своими работами Hermann и Schulte показали, что государство «Законов» не только утопия, но и комбинация взятых из афинской и спартанской действительности черт социально-политической жизни, получивших идеализацию у Платона в плане «второго по совершенству» государства, или «государства магнетов», как его неоднократно называет сам Платон. Нужно только указать, что и Hermann и Schulte, подвергая анализу «Законы» и обнаруживая в них установления и понятия, взятые Платоном из современной ему действительности, представляют себе несколько упрощенную картину. Они думают, что Платон просто механически выбирал из действительности отдельные установления и нравившиеся ему черты социальной жизни и так же механически склеивал их в мозаику своего «государства магнетов». Недалеко от этого взгляда стоит и Salin², который, считая, что Платон в «Законах» примиряется с действительностью, тем не менее не дает нам совершенно ясной картины того, что же Платон берет из этой действительности и почему для «Законов» одни черты социальной жизни он предпочитает другим. Правда, Salin, несомненно, правильно отмечает, что платонова «Магнезия» идеализирует преимущественно черты афинской и спартанской жизни («der Aufriss trägt wesentlich athenisch^e, der Grundriss spartanische Züge»)³. Но при этом автор все же не занимается изучением этого в деталях, предпочитая говорить о некоей «сферичности» («sphärischer Bau») эллинской жизни, якобы отраженной в платоновых утопиях. Совершенно иную постановку вопроса предлагает Bisinger в книге «Agrarstaat in Platos »Gesetzen»⁴. Бизингер проводит ту основную мысль, что платоновы государственные идеи целиком связаны с теми популярными тогда «социалистическими» и «коммунистическими» идеями, которые в той или иной мере пытались разрешить социальный вопрос в древней Греции на пороге V и IV вв. А при конструировании плана «Законов» не только Спарта и Афины, но и Сицилия была материалом для композиции основных его идей. Бизингер считает, что когда Платон брал из жизни этих государств те или иные, получившие идеализацию, черты социальной действительности,—он брал их не механически, а критически, и притом брал только то, что соответствовало смыслу и целям конструируемого им «государства магнетов»⁵.

¹ Если Kleinwächter считает платоновы утопии просто социальными романами, слишком «малокровными», чтобы отразить собой тогдашнюю действительность, то Beloch и Hindelbrand склонны отрицать только то, что в учении о греческом государстве Платон предшествует Аристотелю. По их мнению только с Аристотеля начинается постановка вопроса о государстве. См. Beloch—Die Staatsromane, Wien, 1891, S. 27; R. Beloch—Griechische Geschichte, I, 1912, S. 40; E. Hindelbrand—Die sociale Frage. «Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik», 12, 1869.

² Salin—Plato und die griechische Utopie», 1921, S. 73.

³ Ibid., S. 128.

⁴ Bisinger—Agrarstaat in Platon »Gesetzen», Leipzig, 1925.

⁵ Ibid., S. 2—4.

Материал претерпевал в руках мастера известные изменения. Такая постановка вопроса является исторически более правильной; она приводит нас к изучению как материала, которым оперировал Платон, так и к изучению классового существа его мировоззрения, которое обнаруживается при выборе, критике и обработке материала. Не оставляя в стороне вопрос о влиянии «коммунистических» идей на Платона, Бизингер также указывает на то, что в свое время было хорошо изучено Fr. Dümmler'ом в его «Prolegomena zu Platos «Staat»¹, — именно то, что Платон хорошо знал публицистику своего времени. Это видно из того, что основным лейтмотив Платона об аграрном характере государства, в котором земледелие должно спасти общество от разложения, а класс средних по состоянию граждан является носителем гражданских прав и опорой государства, — был очень популярен в публицистической литературе того времени. Dümmler считает, что ранее всех эту идею развивал Еврипид в своих трагедиях. Особенно это подчеркнуто в стих. 420 и сл. в «Hiketides», а также в стихе 917 сл. «Ореста», где πλεονεξία (излишество, жадность) Еврипид противопоставляет νόμος καὶ δίκαιοσύνη (закону и справедливости). В «Финикиянках» Еврипид выступает даже с теорией ἰσονομία (равноправия), как φύσει δίκαιον (естественной справедливости), которую он противопоставлял тирании и другим формам государства; останавливается на преимуществах μέσοι πολῖται, т. е. на лозунге, который Платон заимствует и подвергает разработке в своем, выражаясь языком Salin'a, «номократическом государстве».

Лозунг μέσοι πολῖται — ориентация на средние земледельческие классы — был особо популярным в то время. Тот же Еврипид в «Просительницах», стих 240, рассматривая и оценивая роль богатого, бедного и среднего класса, говорит, что «из трех частей населения та, что в середине, охраняет государство и оберегает установленный порядок». Мы знаем, что после низвержения крайней олигархии 411 г., что было достигнуто, главным образом, благодаря именно участию средних классов, т. е. мелких собственников — землевладельцев, другими словами, после того как наряду с «крайней» демократией Афины попробовали непродолжительное время господства и крайней олигархии, — с обоснованием государства и политики, опирающихся на средние классы мелких земельных собственников, выступают и такие авторитетные представители древности, как Фукидид² и Аристотель. И особенно Аристотель³ в своей «Политике» останавливается на преимуществах государственного строя, опирающегося на средние классы, которым, по его мнению, было чуждо стяжание богатых, так же, как и крайности демократии. Его теория напоминала ту Mittelstandpolitik по отношению к среднему крестьянству, которая практически проводилась в средние века в отношении городских цехов.

Несомненно, что Платон конструировал свое «государство магнетов» под сильным влиянием этой идеи. При изложении аграрных основ этого «второго по совершенству» государства нам не раз придется увидеть, что аграрные симпатии Платона, его стремление построить государство «Законов» на аграрной основе целиком созвучно тому идеалу древнего эллина, который понуждал его стать прежде всего самостоятельным хозяином.

¹ Fr. Dümmler—Prolegomena zu Platos «Staat» und Aristoteles «Ideal»,

² Фукидид, VII, 97.

³ Аристотель—Политика, IV, 9, 842, также VI, 2, 1, 2 (перевод С. А. Жебелева).

владельцем клера¹. Владение землей было основой жизни в древней Элладе. Мы сошлемся в этом отношении на авторитетное мнение Wilamowitz'a, который в одной из своих статей говорит следующее по этому поводу: «Der Glaube dass nur diese Grundlage (d. h. agrarische) des Lebens physisch und politisch gesund wäre ist dem delphinischen Gotte, dem Aristophanes und dem Aristoteles gemeinsam»².

Автор «Законов» должен был тем более ориентироваться на лозунг о среднем сословии, которым в представлении эллина могло быть только среднее крестьянство,—чем сильнее обострялась классовая борьба между земельной аристократией и мелкими разорявшимися земельными собственниками. Проблема, поставленная классовой борьбой, была по преимуществу аграрной проблемой. Эта проблема в глазах крестьянской массы разрешалась только одним и единственным путем; ее разрешение вменялось целиком в старый лозунг: ὅς ἀναδασμός καὶ χρεὼν ἀποκοπή (передел земли и кассация долгов). В своем плане аграрного государства Платон дает в сущности ответ на этот поставленный жизнью злободневный вопрос, впервые со времени солонова законодательства так заостренного классовой борьбой на грани V—IV вв. и позже.

Чтобы закончить вопрос о творческом пути Платона от «Политии» к «Законам» и о влиянии на него тогдашней публицистики, нужно еще указать и на влияние Антифонта³, которого, как замечает Бизингер, Платон знал в своей юности и который был его литературным предшественником. Этот мыслитель-индивидуалист также выступал с пропагандой δμόνοια. Его понимание νόμος'а (закона), как правильно понятого личного интереса, во многом сближает его с Платоном, который в это понятие вкладывал примерно то же самое содержание. Хотя нужно заметить, что и тот и другой в понимании νόμος'а, как инструкции, устанавливающей единый порядок личной и общественной деятельности гражданина, не отвлекались от обычного и принятого в Афинах его (νόμος'а) представления.

Автор «Государства магнетов» воспитывался и оформлял свои идеи, положенные в основу «Законов», в кругу тех общих идей, которые представляли собою своеобразную идеологическую атмосферу, где эти идеи были связаны известной последовательностью и взаимозависимостью. Но одной этой связи идей еще недостаточно.

«Последовательность философских систем,—говорит Плеханов,—есть только факт, нечто данное... что требует своего объяснения и чего не может объяснить «имманентная диалектика умозрительных принципов» («Очерки по ист. мат.»). Поэтому мы должны будем поставить своей задачей выяснить, что же увлекало Платона к той системе положений, которые оказываются не новыми и были общи многим политическим деятелям и писателям платонова времени, что являлось движущей силой тех идей, которые в «Государстве магнетов» своеобразно разрешали важнейший из всех вопросов экономической жизни Греции—аграрный вопрос.

¹ См. об этом: Adler—Geschichte des Socialismus. Есть русский перевод Сперанского. См. первые главы.

² Wilamowitz—Kultur der Gegenwart, II, 4, 1, S. 63.

³ См. С. Лурье—Анархизм в древней Греции. Антифонт, 1925; см. также его статью в «Известиях Академии наук», 1918. «Новый оксиринхский отрывок», к хронологии Демокрита и Антифонта.

II

В «Законах» Платон не мог подойти к проблеме хозяйства и государства иначе, как с аграрной стороны, т. е. с точки зрения вопроса, который со времени Солона не переставал выступать на первую линию общественного внимания. А как идеолог эпохи упадка, Платон не мог не оказаться созвучным тем исканиям общественного идеала, которые исходили из *πάτριος πολιτεία* (староотцовское государство—община), старого идеала эллина, идеала солоновых времен, с его земледельческим занятием по преимуществу.

Платон в нескольких местах отмечает исключительно аграрный характер своего государства. В этом отношении очень интересным является место из IV книги, где довольно полно обосновывается, что никакие другие занятия не допускаются в новом государстве, кроме земледелия¹. Земледелие—основа хозяйственной деятельности граждан. Это обстоятельство также подчеркивается и в другом месте, в VIII книге, где говорится, что так как государство устанавливает законы, главным образом, для земледельцев² (*γεωργῶν*) то с них-то, собственно, должно быть начато установление и самого государства³. Эти аграрные симпатии Платона, стремление его замкнуть хозяйственную деятельность от всего, кроме возделывания земли (*πᾶν τὸν ἐκ γῆς χρηματισμὸν*—949 с) раскрывает перед нами общегреческое представление о значении земледельческой деятельности, представление, которое особенно выпукло было отмечено Ксенофонтом. В *Οἰκονομικός* Ксенофонта Сократ произносит настоящую хвалу земледелию, как одному из благороднейших занятий⁴. Причем характерно, что мысль Платона о земле, как о кормилице, которую надо чтить более, чем дети чтут мать⁵, почти совершенно аналогична концу речи Сократа у Ксенофонта, где также земля прославляется, как кормилица-мать. Высокое мнение о значении земледелия в хозяйстве и земледельческого класса в политике высказал также и Аристотель в «Политике»⁶. Мысль о земледелии тем более воскрешалась в сознании политиков и публицистов, чем осязательнее становилось разложение его в период кризиса IV в., когда земледелие начинало вытесняться, как главный вид хозяйственно-приобретательской деятельности. Стремление к возврату прошлого, к золотому веку Кроноса⁷, когда тучная земля обильно снабжала всех,—было идеологическим выражением этого разложения.

Но как подойти к организации полиса на этой, так резко формулированной в «Законах» земледельческой основе? Основное зло, которое, по мнению Платона, разрушает земледелие и не дает населению спокойно им заниматься—это неправильное распределение земли. Неравномерное распределение земли порождает все общественные недуги в государстве. Поэтому неравномерное распределение земли бичуется Платоном с особой

¹ Λέγομεν δὴ μῆτε χρυσὸν δεῖν μῆτε ἄργυρον ἐν τῇ πόλει, μῆτε αὖ χρηματισμὸν πούλιν διὰ βαναυσίας καὶ τόκων μηδὲ βουκεμάτων αἰσχυρῶν, ἀλλ' ὅσα γεωργία δίδωσι καὶ φέρει, καὶ τούτων ὅποσα μὴ χρηματιζόμενοι ἀναγκάσειεν ἀμελεῖν ὡς ἔνεχα πέφυκε τὰ χρήματα. P l a t.—Leges, 743d.

² P l a t.—Leges, 842 d.

³ Πρὸ τιν δὴ νόμοι ἕστασαν λεγόμενοι τοῦνομα γεωργικοὶ. «Leges», 842e.

⁴ X e n o p h.—Οἰκονομικός, V, 1.

⁵ P l a t.—Leges, 740a.

⁶ A r i s t.—Polit. I, 3, 4, 22; VI, 2, 1.

⁷ P l a t.—Leges, 743e.

страстью и как основная причина страшного и опасного спора за передел земель и сложение долгов¹.

Чтобы избежать этой болезни (τοῦ νοσήματος πόλεως), Платон предлагает организовать более равномерное распределение земель. Фиксирование внимания Платона на правильном и более равномерном распределении земель должно нам представляться, как противопоставление тому положению в действительности, когда, с фактическим аннулированием солонова законодательства, которое, как будто, по сообщению Диогена Лаэртского², запрещало продажу и скупку земельных наделов, аграрный вопрос снова выступил на сцену и с еще большей остротой, чем в эпоху Солона. Достаточно здесь будет только сослаться на то, что залог земли, почти прекратившийся со времени Солона и неизвестный еще в начале Пелопоннесской войны, с конца ее становится обычным явлением. Во всяком случае данные эпиграфики о залоге земель относятся, главным образом, к временам Исея и Демосфена³. Неудивительно поэтому, что и для Платона это обстоятельство было исходной точкой в подходе к аграрному вопросу. Отсюда же нам становится понятным, почему автор «Законов» был более всего склонен свои симпатии направить в сторону Спарты и Крита. Ведь там именно не была в такой степени развита земельная дифференциация, заставившие формы общинного землевладения; там, ведь, еще долго сопротивлялись внедрению торгового капитала. Вот почему Платон с особенной похвалой ссылается на опыт с переселением в колонию гераклеотов, где равномерное распределение земли не создавало и социального вопроса с его лозунгами γῆς ἀνδραγαμός καὶ χρεῶν ἀποκσπή (736 с).

Таким образом, только земледелие, при котором хозяйствующие субъекты более или менее справедливо наделены землей,—вот предпосылка, аграрная основа, с которой Платон начинает конструирование своего государства. В обосновании аграрного характера нового государства автор «Законов» случайно останавливается и на таких привходящих моментах, как месторасположение города, которое, в представлении Платона, является одним из условий, обеспечивающих аграрный строй нового города. Он устанавливает, что новое государство должно быть расположено в 80 стадиях от моря.

Такое место намечается на острове Крите, где раньше была фессалийская колония, называвшаяся Магнезией⁴. Платон далее обосновывает положение, почему именно он располагает свое государство вдали от моря. Близость к морю способствовала бы развитию мореплавания, а это в свою очередь способствовало бы развитию торгового духа и жажды наживы (705 а). Такое месторасположение государства целиком увязывается с основной задачей предупредить вторжение торгового капитала во вновь образуемое аграрное государство. Взгляд Платона на морскую торговлю и мореплавание, вообще связанный с презрительным пред-

¹ Изображение спора за передел земель и кассацию долгов см. у Платона—Leges, 736c, 684d, 736a.

² Diog. Laert. I, 55; также Arist.—Polit., VII, 2.

³ Isaеus, II, 2, 8; Dem., XXXI, 12—13; XLI, 5—6; XXV, 69; XLIX, 12, 61.

⁴ Συζδόν ὡ ἐξέει ἀπέχει θυλάττης γε ἡ πόλις, ἥς περί τὰ νοτιῇ λεχθέντα ἡμῖν, εἰς τινος ὀδοήγοντα σταδίου, Plat., 704 b.

В 80 стадиях от моря как раз была расположена на Крите некогда заселявшая эту полосу колония магнетов. Что Платон удерживает за своим государством название Магнезии см. «Leges», 848, 860, 916, 969.

ставлением о моряке, и стремление изолировать от этого государство, был созвучен эллинскому идеалу, выраженному в формуле *ἐλευθερία, αὐτονομία, αὐτάρχεια*. Можно было бы опять провести здесь некоторую аналогию в этих взглядах у Еврипида и Платона. Сошлемся только на мнение Калхрейтера¹, который обстоятельно показал в одной из своих работ, что стремление располагать государства и колонии вдали от моря было свойственно всем грекам и в особенности дорянам.

Итак, расположив государство на Крите, вдали от моря, в полосе реки Магнезии, Платон далее ставит вопрос, каким же порядком и на каких началах будет распределена земля между гражданами «государства магнетов»². И намечая далее конкретно план распределения земли, Платон все время заботится о том, чтобы провести все это как можно лучше и чтобы правильным устройством города создать славу «государству магнетов»³.

Вся территория Магнезии делится на 5040 наделов, владение которыми является предпосылкой для политических прав гражданства. Только гражданин, владеющий клером, обрабатывающий его и способный к вооружению, может обладать политическими правами и осуществлять свое гражданство. Все другие, как-то: иностранцы, ремесленники, торговцы, рабы,—гражданскими правами пользоваться не могут⁴. Таким образом, соответственно земельным участкам, и граждан в государстве намечается 5040; все они должны быть, как уже отмечалось, способны к вооружению, чтобы защищать свои наделы и государство от внешнего врага⁵. Положение, что только земледелец является полноправным гражданином Магнезии, служит источником дальнейших мероприятий, намеченных в «Законах» для нового государства. Прежде всего из этого следует то, что все не имеющие земли должны быть выселены из государства, как беспокойный элемент. Здесь чувствуется, что в данном случае Платон хотел предупредить такой своеобразной мерой то, что в его глазах в период аграрного кризиса было «болезнью» государства: это борьба за передел земель. Чтобы проделать такое «выселение», не вызвав бунта или восстания со стороны этих неимущих, Платон хочет обмануть их тем, что «выселение» их советуется смягчить названием «переселение» из государства для образования новой колонии (*δι' εὐφροσύνης ἀπαλλαγῆναι, νόμον ἀποικίαν τιθέμενος, εὐμενῶς ὅτι μάλιστα ἐξεπέμψατο*, 736 a). Что же касается неземледельцев—ремесленников и торговцев,—то таковыми туземцы быть не могут, подобными занятиями разрешается заниматься только иностранцам.

Таким образом, хозяйствующей ячейкой в обществе является семья земледельца—фамилия, которая вместе с участком (*κλήρος* у Платона) образует неразрывное единство. Все земельные участки хотя и неодинаковы по размерам, но они равны по производительности,—таким образом, все получают хозяйственно-равноценную землю.

Это нивелирование ценности участков при тщательном учете качества почвы проводится именно тогда, когда намеченный участок планируется

¹ Kalchreuter —Die «μεσότης» bei und vor Aristoteles, 1911.

² Plat.—Leges, 737c.

³ Ibid., 969.

⁴ Ibid., 846d.

⁵ Πεντάκισ μὲν χίλιοι ἑστώσαν καὶ τετταράκοντα, ἀριθμοῦ τινος ἕνεκα προσήκοντος, γεωμόροι τε καὶ ἀμυνούντες τῇ νομῇ. Plat. 737e.

на две части, т. е. часть, которая должна быть, согласно платонову положению, около города, и другую часть—вдали от него¹.

Там, где почва предполагается хорошая,—участки намечаются меньше, где плохая—больше². После такой подготовки надел мог уже передаваться по жребию.

Таковы первоначальные аграрные мероприятия при основании государства. Здесь уместно будет сделать несколько замечаний о числе 5040, о происхождении этого числа и о строго проводимой Платоном идее совпадения прав владения этими участками с гражданскими правами в государстве. И здесь Платон брал материал из исторической жизни Афин. Еще Виламовиц отклонил объяснение выбора числа 5040 исключительно влиянием пифагорейской школы³. Как и Зуземиль⁴, он полагает, что в выборе этого числа Платон исходил скорее из практических соображений. Мы же считаем, что непосредственным материалом для Платона в этом были проекты умеренной олигархии, которые после 411 г. становятся особенно популярными. Из свидетельства Фукидида и Аристотеля нам известно, по крайней мере, об исключительной симпатии авторов к конституции Ферамена. Платон тоже вышел из этой среды аристократий (т. е. умеренной или торговой) и в разработке старого идеала *πάτριος πολιτεία*, несомненно, не выходил далеко из круга идей, которыми жила эта аристократия. Но Платон был слишком оригинален, чтобы прямо копировать планы и конституции умеренных. В проекте Ферамена фигурировало 5000 граждан—это число потом было узаконено по его конституции. Для Афин того времени эта идея 5000, или по крайней мере сокращение числа полноправных граждан и установление для них определенного ценза в духе солонова законодательства (главным образом, землевладельческого ценза),—была самой подходящей. Она по существу отражала желание аристократии опереться на средний земледельческий класс, в противовес демократии. То, что Платон остановился не на числе 5000, а взял 5040, можно объяснить, как это и делает Залин, гибкостью, делимостью этого числа. В этом отношении, пожалуй, Платон отразил на себе влияние—в известной степени—и пифагорейской школы, но в основном он опирался на практические теории своего класса, старавшегося разрешить социальную проблему своего времени,—теории, вращавшейся вокруг числа 5000 граждан, как положительной основы их проектов.

И не только в этом мы можем проследить связь Платона с идеологией умеренной аристократии. Если мы возьмем также положение о том, что предпосылкой гражданства в «государстве магнетов» является владение земельными наделами, то ведь это положение тесно увязывалось с политическими движениями в афинской жизни. Судьба конституции Ферамена показала, что умеренная аристократия может прочнее опереться не на цензовые элементы вообще, а, главным образом, на земледельческие цензовые элементы. Мысль, что только в том случае, когда граждане будут наделены земельными участками, а не денежный ценз будет мерилем политических прав граждан, что только при этом условии можно создать

¹ ... τὰ μὲν ἀγαθὴς γῆς εἶναι σμικρὰ, τὰ δὲ χεῖρονος μείζω, 745 с.

Μηχανάζονται δὲ καὶ ἐν τοῖς οἴχοις τμήμασι τὸ κοινὸν λεγόμενον φαυλοτήτος τε καὶ ἀρετῆς χάρας, ἐπανισομένους τῷ πλήθει τε καὶ ὀλιγότῃ τῆς διανομῆς 745 d.

² «Leges», 745 de.

³ Wilamowitz—Plato, I, S. 706.

⁴ Susemihl—Die Geschichte der Entwicklung d. plat. Philos., II, S. 593.

опору государству, подорванную «властью денег»,—эта мысль становится программным и практическим требованием. Формисий—преемник Ферамена—рисовал себе такой проект конституции, по которому активные политические права предоставлялись лишь землевладельцам¹. Гражданин должен был владеть хотя бы минимальным наделом, чтобы иметь право принять участие в политике. Эта идея, возвращавшая Афины к «патриархальному строю», как мы видели выше, была целиком воспринята Платоном. Мы здесь не будем останавливаться на том, что также и Сиракузы, столь популярные в Афинах, когда Дионисии проделывали свои эксперименты с наделением земель, и столь видное место занявшие в биографии Платона,—несомненно, оказали свое влияние на последнего. Нам достаточно будет и этих указаний, которые обнаруживают тот непосредственно исторический материал, откуда черпал Платон идеи при конструировании своих первоначальных аграрных мероприятий.

Перейдем теперь к другим вопросам. Какова же структура этого земельного надела, как хозяйственной ячейки, и как она увязывалась с другими в систему аграрного государства. Прежде всего, согласно Платону, каждый надел в целях большего равенства и удобства делится на две части (δύο τμήματα τεμεῖν)², как это и было выше отмечено. Одна часть располагается ближе к городу, намеченному в центре государства, другая—вдали от него. Но они соединяются в одну сплошную полосу земли, которая принадлежит отдельному гражданину. В связи с этим каждый гражданин имеет два дома, один—вблизи города, другой же—на окраине. Здесь возникает спорный вопрос, как располагались эти дома около города и как—на окраине. Непонятно это потому, что наряду с этим указанием о домах у Платона есть еще указание на жителей κατὰ χώρας, т. е. на поселки или посады. Возникает в действительности вопрос, жили ли граждане в «утопии» Платона в домах, разбросанных по стране, по дому на каждом участке, или они жили группами в этих поселках. Этот вопрос еще более запутывается тем обстоятельством, что у Платона есть указания не только на χωρῆται (жителей деревень), но и на δῆμοι (жителей посадов), так что вне зависимости от какого-либо решения первоначального вопроса сюда еще вплетаются деми. Виламовиц решает этот вопрос тем, что вообще ставит под вопрос наличие поселков, не говоря уже о демах. По его мнению, существуют только отдельные дворы—Einzelhöfe—на участках³. Но такое решение целиком опровергается текстом «Законов», в VIII книге которых определенно говорится, что в государстве должно быть 12 поселков⁴.

Совершенно иначе думает Зуземиль⁵, который устанавливает для «Государства магнетов» целых 24 поселка, что опять-таки опровергается вышеприведенной ссылкой на Платона, отчетливо говорящей о 12. Бизингер с внутренним сомнением признает, что граждане жили и в поселках и по участкам. Такое объяснение, конечно, ближе подводит нас к тексту, но окончательно вопроса не решает. Нам придется еще возвратиться к этому вопросу в дальнейшем.

¹ ...τὴν πολιτείαν μὴ πᾶσιν, ἀλλὰ τοῖς τὴν γῆν ἔχουσι παραδόναι, βουλευμένων ταῦτα γενέσθαι καὶ Λακεδαιμονίων. Argum. к Лисию. Цит. по Bisinger'y—Agrarstaat, S. 15.

² Plat.—Leges, 745c.

³ Willamowitz—Kult. d. Gegenw., I, 668: «Das Land ist nicht sowohl mit Dörfern als mit Einzelhöfen bedeckt zu denken».

⁴ «Leges», 846 cd.

⁵ Susemihl, I. c., S. 549.

Сейчас же займемся пока установлением внешней связи земельных наделов между собою. После раздела страны на 5040 наделов, она в хозяйственно-административном отношении еще делится на двенадцать округов, точно так же и город, расположенный в середине страны, имеет соответственно этому двенадцать частей. Такая двенадцатая часть страны, или округ, вместе с двенадцатой частью города образует собою единство, связанное, по мнению Платона, культом и административными скрепами. Она называется филлой (φυλήν αὐτὴν ἐπονομάσαι)¹.

Государство, таким образом, двенадцатью радиусами, исходящими из центра города, делится на двенадцать равных фил. Несомненно, эти филы выступают у Платона в качестве и хозяйственной организации. Все граждане размещаются по этим филам с учетом их имущества, чтобы не допустить имущественного перевеса одной филы над другой. Сохранение и регулирование такого хозяйственного равновесия ставится и как дальнейшая задача начальников фил—агрономов, которые, ведя запись всех членов фил в особых листах, учитывают доходы гражданина с целью налогового обложения². Не случайно у Платона такое разделение на филы, или общины. В древние времена филы были естественным подразделением каждого основываемого города. Еще Ратцель отметил связь, которая существовала между филлой и землей в древности. Указывая на пример дорической филы, он иллюстрирует основное свое положение, что отношение людей к земле в аграрных условиях древности выражалось в политической форме филы (общины). Конечно, когда «вместе с товарным производством появилась обработка земли отдельными лицами за собственный счет, а вскоре затем и земельная собственность отдельных лиц», фила (племя), основанная на кровном родстве, превратилась в «территориальное племя» (Э н г е л ь с—Происхождение семьи..., 1934, стр. 102, 106); старые отношения сохранились лишь в виде пережитков—главным образом, в области культа и в виде, может быть, смутного воспоминания об общем владении землей внутри племени. По всей вероятности, это и послужило основанием, по которому Платон обратился к этим филам, как основе для деления своего утопического аграрного государства.

Что касается числа фил, которых Платон проектирует двенадцать, то образцом могли послужить греческие города с подразделением именно на 12 фил. Можно было бы для примера указать на элейцев, также и на Милет, где были подразделения именно на 12 фил. Но возможно также и то, что для Платона его коммерческие поездки в Египет при торговле маслом не прошли даром. Ведь там система двенадцати играла большую роль в хозяйственной жизни. Выяснить это в подробностях лежит за пределами нашей задачи.

В центре каждой такой филы Платоном намечается поселок (χώμη), имеющий значение хозяйственного центра, так как там будет находиться и «рынок и полезный род ремесленников», торговцы и т. д., обслуживающие основное население—граждан-земледельцев³.

Каждая такая часть страны, или фила, объединяющая собою двенадцатую часть из 5040 крестьянских хозяйств, делится еще внутри себя на фратрии, комы и демы (φρατρίαις καὶ δῆμους καὶ χώμας)⁴.

¹ «Leges», 745e.

² Ibid., 955d.

³ Ibid., 848e.

⁴ Ibid., 746d.

Непосредственно организующей граждан-земледельцев ячейкой является фратрия. Если семья гражданина-земледельца, т. е. фамилия, рассматривается Платоном, как первичная хозяйствующая единица, то ближайшим объединением над ней стоит эта фратрия. Платон не говорит нам о числе фратрий в каждой филе, нет точных указаний и относительно их функций. Из того немногого, что Платон говорит о фратрии, можно только заключить, что и ее назначение должно быть подчинено аграрному характеру «государства магнетов». Что, по Платону, выполняет фратрия? Она прежде всего ведет фратриальные записи своих членов, т. е. здесь записываются не только владельцы клеров, но и их семьи, отмечаются также рождения новых и смерть старых членов семейств¹. Таким образом, фратрии выступают перед нами, как небольшой союз семейств, в котором постепенно создаются через внесение их в фратриальные листы отношения родства (ἀρχιτεία). Это, так сказать, расширенная семья.

Как мы выше отмечали, Платон, намечая 5040 наделов и ставя одной из главных предпосылок нормального развития своего государства сохранение этого числа и отрицание права отчуждения надела в случае смерти его владельца и тем более при жизни,—преследует всем этим, главным образом, цель искусственно сохранить статическое положение в государстве и предупредить неравенство в отношении земли. Устанавливая это положение, Платон по существу возвращался ко временам Солона, когда нельзя было даже завещать свою недвижимость. Как известно, такое право предоставлялось, согласно солону законодательству, только бездетным. Отчуждение земли в силу продажи или завещания запрещалось, согласно свидетельству древних, также и в других городах Греции. Лишь впоследствии, с развитием торгово-денежных отношений, подрывавших аграрную основу греческих городов, исчезло и это установление, стеснявшее обращение недвижимости. И впервые отчуждение земли появилось в виде закона о завещании, который одновременно являлся также законом и об усыновлении, на что показывает связь между словами θετός (усыновленный) и διατίθεσθαι (завещать). Не случайно поэтому, что Солон впервые формулировал это право завещания в виде разрешения завещать только бездетным, т. е. право отчуждать землю давалось только тем бездетным, которые находили себе преемника через усыновление.

Что по существу представляло такое положение? Оно сводилось, главным образом, к тому, чтобы предупредить распадение семьи или рода, которому принадлежала земля. Способом ли διατίθεσθαι (завещания усыновленному) или предоставления прав наследования дочери (ἐπίκληροι) нужно было задержать землю в руках семьи, рода, чтобы не допустить мобилизации земли в немногих руках и вообще свободного обращения земли.

Если мы обратимся к довольно сложной системе наследования у Платона, то увидим, что и она ставит своей основной задачей искусственное продолжение семьи владельца надела и путем ἀρχιτεία, и ἐπίκληροι, и διατίθεσθαι, а также и другими способами, что конкретно рассматривать мы здесь не намереваемся. Нам важно здесь указать только на то, что платонова фратрия, фратриальные записи членов по преимуществу и вводятся именно для того, чтобы регулировать и проверять в каждом отдельном случае переход надела без отчуждения и путем искусственного про-

¹ Βίου μὲν ἀρχὴ τοῦ παντός ἑκάστους ὁ πρῶτος ἐν αὐτῷ ... τῆς δὲ φρατρίας αἰεὶ τοὺς ζῶντας μὲν γεγράφθαι πλησίον, τοὺς δ' ὑπεκχωροῦντας τοῦ βίου ἐξ αὐλείπειν. P l a t.—Leg., 785a.

должения рода и вместе с тем не допустить перехода земли к тому, кто уже владеет участком. Только, очевидно, путем фратриальных записей, где вся система родства в роде подробно обозначена, представлялось возможным регулировать сложное право наследования в «государстве магнетов», имеющее основной своей задачей сохранение числа и неотчуждаемость земельных наделов.

Филы, как мы знаем, делятся не только на фратрии, но также и на комы и демы. Было уже замечено, что в центре филы находится поселок, или кома. Если допустить, что население живет в этих комах, перед нами возникает вопрос, кто же живет тогда в демах. По этому поводу мы можем сделать лишь некоторые предположения, так как прямых указаний у Платона на этот счет нет. Но исходя из того положения в «государстве магнетов», что там каждый владелец надела имеет два дома, один—ближе к городу, другой—на окраине, мы можем предполагать, что дома на окраине собственно и образуют тот поселок, который находится в центре филы; все же дома около города, образующие двенадцатую его часть, составляют, на наш взгляд, те самые демы, о которых у Платона отсутствуют точные указания. Возникает вопрос, живут ли таким образом *χωρίται* оседло или они живут попеременно в городе и в поселке. У Платона нет точных указаний на этот счет. Поэтому можно допустить, что граждане живут попеременно в комах и в демах. Хозяйственная работа, очевидно, протекала, главным образом, в комах, в демы же граждане выезжали для участия в политической деятельности, которая сосредоточивалась в городе. Здесь у Платона перекрещивались мысли о старогреческих жилищах *κατὰ χώρας* (в поселках) и *κατὰ δῆμον* (в городе), что знало, например, гортинское право. Бизингер по этому поводу замечает, что это было обычно также и в Аттике, особенно у землевладельческой аристократии¹.

Мы видим, таким образом, что хозяйственная организация «государства магнетов» строилась Платоном на основе старогреческих представлений о роли таких политических образований, как филы, фратрии, комы, демы, все значение которых раскрывалось только в рамках аграрных отношений древней Греции.

Перейдем к рассмотрению внутренней жизни хозяйственных единиц и хозяйственной связи между ними. Проводя равномерное распределение земельных наделов, Платон допускает, однако, неравенство во владении движимым имуществом. Было бы лучше, говорит Платон, и здесь установить равенство, но «в Магнезии ведь одни появятся с одним имуществом, другие с большим». И для установления равных взаимоотношений между ними нужно, говорит Платон, установить неравный имущественный ценз. В силу этого имущественного неравенства в государстве намечаются четыре основных цензовых класса, каждый с различным хозяйственным значением, что должно приниматься во внимание при установлении важных государственных должностей². Таким образом, чтобы избежать излишней бедности и богатства, что не достигается одним равномерным земельным наделом, «государство магнетов» вторгается и в имущественные отношения граждан, устанавливая пределы богатства и бедности. «Пределом бедности» Платон устанавливает владение имуществом или движимым

¹ Bisinger—Agrarstaat, S. 31.

² Τοῦτων χάριν τέτταρα μετέθει τῆς οὐσίας τιμήματα ποιεῖσθαι χρῶν, πρώτους καὶ δευτέρους καὶ τρίτους καὶ τετάρτους... (744 c).

капиталом в размере стоимости одного надела (ἐστὼ δὲ πενίας μὲν ὅρος ἢ τοῦ κλήρου τιμῇ)¹. Это, так сказать, *Existenzminimum*, на который никто не имеет прав посягать. Ценность имущества в два раза больше этого минимума образует меру для следующего класса, в три раза—меру богатства для третьего класса, и в четыре—для четвертого. В пределах этих классов допускаются передвижения, в зависимости от роста этого имущества или, наоборот, от обеднения. Но твердо установлено в государстве, что, во-первых, не допускается обеднение ниже имущественных границ первого класса, и, во-вторых, обогащение за пределы четвертого класса. Рост же имущества сверх четырехкратной стоимости надела не допускается под страхом конфискации излишка в пользу государства². Вообще все нарушающие установленные нормы и положения, связанные с использованием земли и имущества, «преследуются законами государства и божескими».

Мы уже указали, что высшие государственные должности замещаются представителями высших классов. Здесь Платон возвращался к порядкам соловых времен, когда, во-первых, имущественные доходы клались в основу цензового признака класса и когда, во-вторых, участие в политической жизни могли принимать только более материально-обеспеченные классы. Это тем более следует из всего хода платоновых мыслей, что ведь он совершенно отменяет плату чиновникам, отменяет и плату за посещение народных собраний, что установилось в Афинах в его время. Все это, с точки зрения Платона, неприемлемо, ибо означает лишь испорченность демократии. Отсюда очевидно следует, что участие в политической жизни принимают наиболее хозяйственно-сильные классы, имеющие досуг для общественной деятельности. Что Платон фиксирует внимание на политическом значении именно высших классов, следует также из всего того, что Платон говорит о низших классах. О них он указывает в VI книге, что они могут и не принимать политического участия в народных собраниях³.

В такой политической оценке классов в зависимости от их имущественного ценза у Платона выступал идеал *πάτριος πολιτεία* с крепким классом землевладельцев, который из плана этого идеала переносился в «государство магнетов», как политическая его основа.

Перед нами встает такой вопрос: заимствовал ли Платон в разработке государственного устройства Магнезии непосредственно материал солонова и драконова законодательства? Вопрос трудно разрешимый, так как ведь сами древние по-разному представляли себе идеал отцов, или *πάτριος πολιτεία*. Одни, как, например, Исократ, под *πάτριος πολιτεία* понимали доисторический родовой строй—*ἄρχαία νόμιμα*, оформившийся еще в драконовом законодательстве, другие основателями *πάτριος πολιτεία* считали Солона и Клисфена. Не вдаваясь в детали этого вопроса, требующего специального изучения, в особенности в связи со спорным вопросом об историчности драконовой конституции,—мы отметим лишь тот несомненный факт, что *πάτριος πολιτεία*, как этот идеал рисуется в «государстве магнетов», есть безусловно староаттическое аграрное государство VI столетия. И это совершенно справедливо отмечается рядом исследователей⁵.

¹ «Leges», 744 d.

² Ibid., 745 d.

³ Ibid., 741 d.

⁴ Ibid., 764 a.

⁵ Bisinger—Agrarstaat, S. 43.

Это положение для нас станет еще более очевидным, если мы обратимся к выяснению роли других классов в обществе нового государства, которые являются в концепции Платона вспомогательными— это классы не граждан, т. е. рабы и метеки.

Намечая положение рабов в государстве Магнезии, Платон также не выходил из круга обычных и свойственных аристократии представлений о рабах и о физическом труде, как труде прежде всего рабском. Во-первых, как это мы видим в VI книге «Законов», 776 с, рабы относятся к движимому имуществу с той разницей от вещного имущества, что этот живой инвентарь в сельском хозяйстве гражданина мог быть отпущенным иногда на свободу. Платон вводил рабов, как необходимый фактор хозяйственной жизни в «государстве магнетов», и нужно сказать, что в этом он, вопреки мнению Бизингера, не чувствовал никакого неудобства в смысле неравенства. Платон не мыслит себе хозяйственных работ без участия этого живого инвентаря каждого гражданина. Так, он определенно указывает, что возделывание земли целиком передается рабам¹. И если это противоречит как будто другому положению, где допускается проведение большей части времени граждан в заботах о личном хозяйстве (758 b), то противоречие только видимое. Указание Платона о личных заботах в хозяйстве нужно понимать не как непосредственное участие гражданина в сельскохозяйственном труде, а как участие лишь в установлении хозяйственного порядка, организации и руководстве этим хозяйством. Для обратного заключения нет опоры в тексте «Законов». Здесь уместно подчеркнуть, что даже руководство и организация хозяйства отнимали, несомненно, немало времени у гражданина, а это обстоятельство не дает нам оснований согласиться со слишком упрощенной трактовкой этого вопроса Пельманом, который утверждал, что граждане в «государстве магнетов» целиком освобождены от хозяйственной деятельности². При таком положении нужно было бы допустить наличие громадной массы рабов—столь опасной по взглядам Платона социальной силы. К такому парадоксальному выводу в отношении рабской массы тем не менее приходит В. Онкен³.

Мы полагаем, что поскольку рабы относились к имуществу, учет которого наряду с другим имуществом определял цензовую принадлежность гражданина, это обстоятельство ставило все-таки определенные рамки для самого пользования рабами. Пределы ценза в известной части препятствовали пользованию неограниченным числом рабов. Pfeleiderer допускает даже, что низший класс в «государстве магнетов» не владел, пожалуй, никаким движимым имуществом⁴. У Платона нет опоры в тексте для такого положения, однако, во всяком случае, совершенно очевидно, что если этот класс, располагавший, как мы выше говорили, только Existenzminimum'ом, и владел рабами, то в ничтожном количестве, и работу производил преимущественно сам гражданин силами своей семьи. В итоге мы должны сделать вывод, что граждане, используя рабов непосредственно в сельскохозяйственном производстве, вопреки Пельману и Виламовицу, сами тоже должны были, по мысли Платона, участвовать в хозяйстве, как его непосредственные управители и организаторы. И в этом отношении

¹ ... γεωργίαι δὲ ἐκδεδομέναι δοῦλοι ἀπαρχὴν τῶν ἐκ τῆς γῆς ἀποτελοῦσαν ἰκανὴν ἀνθρώποις ζῶσι κοσμίως. «Leges», 806 de.

² Пельман—История ант. соц. и ком. Изд. Брокгауза, 1912, стр. 232.

³ W. Oncken—Die Staatslehre... 1870, S. 204.

⁴ Pfeleiderer—Sokrates und Plato, S. 571.

Платон воскрешал старую аграрную общину VI в., когда роль раба была преимущественно только ролью главного технического инструмента в сельском хозяйстве, а роль гражданина сводилась в основном к управлению этим хозяйством и к участию в политической жизни своего государства. При этом нужно еще отметить, что не случайно Платон, говоря о рабах, обозначает их термином *δοῦλοι*, указывая таким образом на рабов, занятых в земледелии, которых иначе греки еще обозначали *ἀνδράποδα* в противоположность *οἰκῆται*, рабам, занятым в качестве домашней прислуги. Что иначе себе Платон не представлял назначения раба, как технического средства производства в хозяйстве гражданина, служит доказательством то место в «Законах» где эти работы сравниваются с фессалийскими пенестами (*τὸ Θετταλῶν πενεστικὸν ἔθνος*, 776 d) или даже характеризуются знаменитыми словами из «Одиссеи», Гомера, начинающимися: «тягостный жребий печального рабства избрав человеку» и т. д. Место раба и господина в земельном наделе каждого гражданина, как и их взаимоотношения, данные Платоном в сложной системе норм, раскрывают нам картину до и после солоновых времен и комплекс взглядов и понятий, свойственных землевладельческой аристократии того периода. Рабство в «государстве магнетов» дополняло весьма существенным признаком идеал, который так приятно мерещился олигарху и землевладельцу, выступавшему в 411 г. с проектами реакционной конституции. Связь между Платоном и идеями этих конституций 411 г. безусловна, и в особенности, по мнению некоторых ученых (Бизингер), с так наз. Драконтидовской конституцией, которая фигурировала, как известно из Аристотеля, в 411 г. и к которой мы еще вернемся.

Сейчас нам нужно обратиться к вопросу о том, является ли земля—наделы—общей государственной собственностью, в противоположность тому, как она представлена в «Политии», или же, наоборот, она является частной собственностью гражданина, и, значит, Платон не отступил от плана своей «Политии». Решение этого вопроса должно пролить свет на то, в какой мере Платон примиряется с действительностью или, наоборот, отходит от нее в глубь патриархального строя старой аграрной общины.

Этот вопрос остается спорным. В основном же здесь имеются две точки зрения. Господствующей точкой зрения на этот вопрос является взгляд Пельмана, что в «государстве магнетов» земельные наделы граждан являются общей собственностью всего государства. Частной собственности на землю не существует. Пельман указывает, что распределяемая по жребию для 5040 граждан земля в сущности отдается им только для пользования ею, и как бы временно, поэтому-то запрещается продажа и покупка земли в «государстве магнетов»¹. Пельман ссылается только на общеизвестное место из V книги «Законов», где указывается, что получаемые гражданами наделы считаются собственностью государства, в силу чего запрещается и отчуждение земли в форме ли покупки или продажи ее². Это положение Платона как будто совершенно недвусмысленно разрешает вопрос о собственности на земельные наделы, тем более, что аналогичная мысль еще раз высказывается в другом месте. Платон эту общность наделов подчеркивает в XI книге, когда он переходит к во-

¹ Пельман, цит. соч., стр. 232.

² ... νημέσιον δ' οὐν ταῖςδε διανοίᾳ πως, ὥς ἄρα δεῖ τὸν λαχόντα τὴν λῆξιν ταύτην νομίζειν μὲν κοινὴν αὐτὴν τῆς πόλεως συμπάσης, πατρίδος δὲ οὐσης τῆς χώρας θεραπεύειν αὐτὴν δεῖ

просу о праве завещания¹. Основываясь на этих положениях, и Salin утверждает, что в государстве Магнезия участки переходят во временное пользование отдельных граждан, в то время как собственность на нее принадлежит только государству («Der Besitz gehet an den einzelnen Bürger über, während die Polis das Eigentum behält»)².

Против данной точки зрения, притом с детальной аргументацией, выступил Бизингер, который в результате, главным образом, исторической критики, а не анализа и критики самого текста, приходит к совершенно обратному выводу и полагает, что раздаваемые путем жребия наделы используются гражданами на правах частной собственности, и они суть просто частная собственность граждан («Die Einzelfamilie ist das wirtschaftliche Subjekt, ihr Objekt ist die Familie als Privateigentum gehörige Hufe»)³. Если Пельман в подтверждение своего взгляда ссылается на текст, то Бизингер, как мы увидим, идет, главным образом, путем чистой исторической критики.

Мы поэтому попытаемся изложить кратко обоснование точки зрения Бизингера, тем более, что в некоторых частях она заслуживает внимания и должна быть учтена при установлении нашей точки зрения на этот спорный вопрос.

Бизингер прежде всего утверждает, что если бы наделы были общей собственностью, то, несомненно, что в распределении урожая полей мы имели бы примерно такой же порядок, как в критских сисситиях, где все члены общины имели право на общий урожай. У Платона же урожаем распоряжается лишь владелец клера (надела)⁴. При всем этом, однако, остается еще неясным, по мнению Бизингера, вопрос о том, вводит ли Платон сисситии для граждан или нет, так как неизвестно, к чему относится употребляющийся в VIII книге термин *παρσχευόμενοι*⁵. Вопрос об общности питания, по мнению Бизингера, надо оставить еще под сомнением.

Вместе с тем, говорит Бизингер, совершенно очевидно, что каждый гражданин, содержа и владея наделом, имеет на нем дом, дворовые постройки и все движимое имущество на земле. Владение же домом и оседлое в нем проживание подчеркивают органическую связь владельца с землей, связь, которую нельзя иначе себе представить, как владение ею на правах частной собственности. Не находя опоры для своего вывода в тексте «Законов», Бизингер⁶ ссылается на Аристотеля, который в «Политике» говорит, что дом, владение им, предполагает собственность на землю (*ἡ κτῆσις μέρος τῆς οἰκίας ἐστίν*)⁷.

Наконец, в виде последнего аргумента Бизингер выставляет то, что если бы в «государстве магнетов» земельные участки были собственностью общественной, то клер вымиравшей семьи возвращался бы назад

μεϊζόνως ἢ μητέρα παῖδας. «Leges», 740. a; см. подтверждение этого в 922, 933 d, особенно 741b. ... ὁ τὸ πρῶτον ἐνείμασθε μέτριον, μὴ ἀτιμάσσετε τῷ τε ὠνεῖσθαι καὶ τῷ πολεῖν πρὸς ἀλλήλους.

¹ Ἐγὼ γὰρ οὖν νομοθέτης ὢν οὐδ' ὑμᾶς ὑμῶν αὐτῶν εἶναι τίθημι οὔτε τὴν οὐσίαν ταύτην, σύμπαντος δὲ τοῦ γένους ὑμῶν τοῦ τε ἐμπροσθεν καὶ τοῦ ἔπειτα ἐσομένου, καὶ ἐπὶ μᾶλλον τῆς πόλεως εἶναι τὸ τε γένος πᾶν καὶ τὴν οὐσίαν; «Leges», 923a.

² Ed. Salin—Platon und die Gr. Utopie, S. 145.

³ Bisinger, Agrarstaat, S. 59.

⁴ Ibid., S. 60.

⁵ «Leges», 842. См. об этом у Bisinger'a.

⁶ «Argarstaat», S. 61.

⁷ Arist.—Polit., I, 2, 4, 125.

государству, что, например, мы и имеем в Гортинском праве¹. Однако этого у Платона мы не видим. Земля передается у Платона дальним родственникам или же, если таковых не оказывается, то усыновленному гражданину, который призван продолжать данный, прервавшийся род. Что же касается неотчуждаемости и неделимости наделов, которая якобы обоснована государственными и, главным образом, религиозными соображениями, то это обстоятельство, по мнению Бизингера, как раз должно говорить за то, что эти наделы выступают перед нами, как наделы частных собственников. Дело в том, говорит Бизингер, что земледелие на собственной земле стало возможным только тогда, когда эта собственность находила своего творца и гаранта в такой силе, которая бы через свое проявление обеспечивала осуществление ее (собственности). Этой силой у Платона является религия и государство, их проявлением—законодательство, их результатом—частная собственность на земельные участки. Таким образом, через акт раздачи по жребию государство творит у Платона частную собственность². Что же касается того, что у Платона религия обосновывает право собственности богов на землю, то Бизингер здесь, цитируя Поля Гиро, соглашается со следующим его положением: «Люди так мало терпят от права собственности богов, что они в них, наоборот, находят гарантии для своих собственных прав»³.

Таковы две точки зрения на интересующий нас вопрос—о правах собственности граждан на земельные участки. Эти точки зрения нас не удовлетворяют по той причине, что они не дают собственно генезиса платоновых взглядов,—представлять ли их в пельмановском виде или же в форме бизингеровской точки зрения. В том и другом случае кажется совершенно неясным, каковы же были собственно платоновы взгляды в действительности; непонятно—на какой исторической основе строил Платон свои взгляды и в какой мере он думал согласовать их с действительностью.

Ведь пельмановская трактовка вопроса хотя и опирается на текст, но она слишком обща, чтобы не сказать—беспредметна. Его теория полного коммунизма в «государстве магнетов» ставит нам большой вопрос: а что же собственно за «коммунизм» конкретно выступает у Платона? Из каких конкретно-исторических корней он произрастает? Ни генезиса, ни конкретно-исторической характеристики того, как в условиях «государства магнетов» осуществляется этот «коммунизм», у Пельмана не дано.

То ли это пугающий Пельмана, хотя и в высшей степени сомнительный «коммунизм» социал-демократии, или же это первобытный коммунизм греческих народов, который, ведь, вообще-то, как таковой, решительно отвергается Пельманом.

Этот мнимый «коммунизм» Платона может рассматриваться, как плод фантазии и интерпретаторской способности самого Пельмана.

Более удовлетворяющей нас является точка зрения Бизингера, в деталях правильно намечающая действительные отношения собственности у Платона и, главное, пытающаяся хоть кое-как связать взгляды Платона на земельную собственность с исторической действительностью, чем дает возможность наметить генетическую нить платоновых построений, своими

¹ «Agrarstaat», S. 64.

² Ibid., S. 61.

³ «Les hommes souffraient si peu du droit de propriété des dieux, qu'ils y trouvaient au contraire une garantie de plus pour le leur». Цит. по Bisinger'y.

корнями уходящих в отношения древней Эллады. Но при всем этом основной, генеральный вывод Бизингера нельзя признать правильным, так как для него нет опоры в тексте источника. Прочитированные выше положения из текста «Законов» говорят нам недвусмысленно, что земельные наделы все-таки формально рассматриваются, как собственность государства.

В итоге у нас как будто получается, что Платон устанавливает государственную собственность на землю с ее неделимостью и неотчуждаемостью и, с другой стороны, каждый земельный участок в отдельности используется, как частная собственность, право распоряжения которой ограничено только запрещением покупки и продажи ее. Таково противоречивое состояние проблемы.

Перед нами встает поэтому вопрос, как же конкретно мыслилось Платоном это право земельной собственности? Этот вопрос можно исследовать до конца только в том случае, если мы подойдем к нему в направлении изучения тех путей, которыми шел Платон, прежде чем дать свое утопическое разрешение вопроса.

К этой задаче мы не можем подойти иначе, как с точки зрения своеобразия греческой экономики во времена Платона. Рост торгово-денежных отношений и разлагающее влияние этих отношений на старинные аграрные условия быта приводили в основном к тому, что размывался основной земледельческий класс—крестьянство, эта прочная опора предсолоновых и солоновых времен. Солоновы реформы пытались, но не могли предотвратить дальнейший рост торгово-ростовщического капитала, который поляризовал общество в платонову эпоху на два противоположных по своим интересам класса—малоземельного и обезземеленного демоса и класса торговой аристократии, связанной с землей. В такой обстановке политическая борьба двух классов достигала своего апогея. Но не этим была характерна классовая борьба в эпоху платоновой Греции. Переживавшийся платоновой Грецией и позднее кризис характеризовался, главным образом, тем, что ни один из двух не на жизнь, а на смерть боровшихся классов не способен был победить и стать на продолжительное время руководителем и организатором социально-политической жизни общества. Отсюда нам понятны печальные финалы революционных восстаний на Коркире, Самосе, в Сиракузах, в Спарте и других городах древней Греции. На сцену, с другой стороны, не показывался и новый класс, который бы выступил провозвестником нового общества, а это и определило собою в дальнейшем затяжной и мучительный процесс поисков выхода из кризиса. Только отсюда нам может быть понятно, почему все те идеалы и проекты общественного порядка, которые строились в период этого напряженного кризиса, исходили от старых классов и строились на политических симпатиях именно к старому землевладельческому классу. Отсутствие нового дееспособного и жизнеспособного класса естественно направляло взоры реакционно настроенных идеологов не вперед, а назад, к «золотому веку Кроноса» с его воспетым в эпосе отсутствием острой политической борьбы. Теория обрабатывающего землю единого класса при строе *старой родовой общины* давалась самой жизнью.

У Платона дана та же теория, только более разработанная в деталях. В разработке земельных отношений Платон целиком почти реставрирует старый аграрный порядок сельской общины.

Какие конкретно аграрные отношения пытался Платон восстановить

в «Законах»? По существу он пытался восстановить те отношения собственности на землю, остатки которых были еще живы в Спарте и на Крите. Симпатии Платона не случайны к этим греческим государствам. Какие же порядке господствовали в этих государствах?

Прежде всего там было устойчиво еще и живуче общинное землевладение. И такой аграрный порядок, например, в Спарте, установленный в законах Ликурга, долгое время поддерживался и сохранялся. А в основном он заключался в том, что государство имело верховное право на землю, право на периодический передел земли, причем каждая фамилия или большая семья, обрабатывающая земельный надел, хотя и пользуется им на основе как бы частной собственности, однако продукция распределяется на общинных началах и потребляется в сисситиях. Такая картина не могла не быть идеализированной Платоном, тем более, что такие законы одинаково ограничивали не только свободное распоряжение землей, но и ненавистные Платону торговые отношения, для которых в законах Ликурга, как это мы знаем из плутарховой биографии, были установлены жесткие нормы, вплоть до изгнания ремесленников и торговцев предметами роскоши, как агентов торгового капитала¹.

Однако взоры Платона устремлялись и на Крит. Из текста «Законов» видно, что Платон был знаком с Гортинским правом².

По Гортинскому праву собственником земли был род, и, чтобы обеспечить неотчуждаемость и неделимость недвижимого имущества, была установлена сложная система наследования, которая ставила своей задачей сохранение земли за родом. При таком порядке естественно затруднено было стягивание богатства в одних руках или в руках немногих, а также и обезземеление массы. Согласно Гортинскому праву, как это подчеркивает Бизингер, клер вымиравшей семьи возвращался назад государству³. Таким образом, и здесь наряду с частным пользованием землей налицо было верховное право на нее со стороны государства. Было бы неправильно сказать, что такой аграрный порядок, в котором сочетались верховное право государства и право частного пользования землей, был характерен только для Спарты и Крита. Можно сказать определенно, что он был этапом в развитии аграрного строя всех древнегреческих городов. Так, по сообщению Диодора, такой общинный строй был свойственен городам на Липарских островах⁴; по сообщению Аристотеля, неотчуждаемость и нераздельность недвижимого имущества также строго проводились у елевсинцев, в Левкадии и в Локрах— правда, у последних в случае крайней нужды разрешалось продавать землю⁵. Солоново законодательство в Афинах также по существу стремилось установить, хотя и в более искусственной и неудачной форме, такое же соотношение между верховной властью общины и личным пользователем участка. Будучи направлена против торгового капитала, эта реформа быстро аннулировалась именно потому, что торговый капитал слишком глубоко вторгся в социальные отношения Афин и победил попытки сопротивления ему.

То же самое мы наблюдаем и в аграрном плане Платона. Чего хотел Платон, подчеркивая государственную собственность на землю, с одной

¹ Плутарх—Ликург.

² «Leges», 708 a.

³ «Argarstaat», S. 64.

⁴ Diodor—Hist. Bibl., V, 9.

⁵ Arist.—Polit., II, 44, 1266; VII, 2, 5, 1319;

стороны, и частное пользование наделом—с другой? Нам думается, что Платон не столько выступал здесь против частной собственности, как таковой, сколько против безграничного пользования ею, которое на глазах Платона приводило к резкой дифференциации земледельцев. Поэтому он предлагает вовсе не «коммунизм», что хочет у него найти Пельман, а такое право частной собственности, которое бы ограничивалось как жестким числом ее объектов, так и неотчуждаемостью и неделимостью ее. Формально это удастся сделать путем провозглашения земли собственностью государства и богов.

Движимый желанием предотвратить возможное расслоение граждан, обезземеление одних и концентрацию наделов в руках других, Платон предлагает свой план искусственного воскрешения старой общины. Как бы механически, т. е. только жестким числом наделов земли и формальной неотчуждаемостью последней, Платон ограничивал право собственности на землю.

Государство и боги выступают у Платона скорее, как некий авторитет, который только гарантирует индивидуальное распоряжение земельным наделом, т. е. именно право собственности гражданина на полученный им надел. Это можно выразить словами Гиро, что «государство, несомненно, имеет некоторые права на нее (т. е. земельную собственность), но эти права легко согласовывались с индивидуальной собственностью»¹.

И действительно, наделы и постройки на них выступают у Платона, как частная имущественная собственность гражданина; земельный надел передается в наследство без вмешательства в это со стороны государства, или, вернее, вмешательство государства ставит своей задачей именно сохранение надела внутри фамилии собственника. Даже в том случае, когда семья собственника вымирает или остается бездетной, на сцену выступает род по принципу *ἀγχιυστεία*, или адоптации. Семья и род гражданина имеют больше прав на землю, чем государство, за которым декларировано верховное право. Спрашивается в таком случае, можно ли все-таки намеченные в «государстве магнетов» 5040 земельных участков рассматривать только как частную собственность их граждан? На это мы все же ответим отрицанием, так как ведь право частной собственности есть всегда право безусловно свободного ею распоряжения, или, по образному выражению В. Зомбарта, «собственность не терпит никаких обязательств»²; такого безграничного обращения частной собственности, т. е. в капиталистическом смысле, у Платона, конечно, не дается.

У Платона, напротив, мы видим, что собственность все-таки связана в своем обращении. Она обращается только внутри рода и притом отнюдь не в форме купли или продажи. По существу мы здесь имеем механическое воссоздание, или реставрацию, того аграрного порядка, остатки которого еще можно было наблюдать в Спарте и на Крите. Это *фамильно-родовая собственность* на наделы, путем возврата к которой Платон пытался найти компромисс с действительностью. Несомненно, что у Платона эта фамильно-родовая собственность выступает в иной и своеобразной форме.

Чтобы обосновать возврат к общинному землевладению общества, которое уже не могло находить себе место на тогдашнем этапе эко-

¹ P. Guiraud—La propriété foncière en Grèce. Paris, 1893, p. 3.

² W. Sombart—Geschichte d. Wirt. Entw., 1925.

номического развития древней Греции,—для Платона потребовалась некоторая спекулятивная идея, которая и была им потом развита в целую религиозную систему. Из истории утопического социализма мы знаем не один пример того, как возврат к отжившим общественным формам мотивируется религиозными идеями. Да почти каждая утопия надевала на себя венки теодицеи, иногда спрятанной просто в метафизическую систему какой-нибудь философии. Так и у Платона священная собственность государства и богов должна была играть роль «достаточного основания» для возврата к общинному строю в рамках конструированного им утопического плана «государства магнетов». В этом стремлении не вперед, а к возврату назад—вся суть реакционности платоновой утопии.

В результате анализа хозяйственной организации «второго по совершенству» платонова проекта мы старались показать, что это конструируемое новое государство на материале, главным образом, афинской действительности есть старый и типичный идеал афинской аристократии. В противоположность рационализму «Политии» Платон в «Законах» с большим чутьем реальности подошел к пониманию кризиса своего времени, заостренного на аграрно-крестьянской проблеме IV в. И при таком подходе тем резче и отчетливее должны были сказаться как аристократические взгляды Платона, так и реакционность его аграрного плана в целом.

В решении аграрно-крестьянской проблемы, как нам удалось показать, Платон не вышел из круга собственных его классу представлений и идей о греческом полисе и о *πάτριος πολιτεία*, как идеализированной политической его форме. Полис с земледельческим занятием по преимуществу и со средним зажиточным крестьянским классом с тем большим упорством выступал на поверхность реакционной общественной мысли, как идеал, чем осязательнее становилось понижение роли земледелия в хозяйстве страны и чем заметнее становилось постепенное исчезновение среднего крестьянского класса из сферы политической жизни. Платон не мог пройти мимо этого факта, тем более, что именно в Афинах этот процесс получил наиболее острое выражение.

Над земледелием вырастал определенно теперь уже превалировавший в хозяйстве торговый капитал с его рабовладельческими мастерскими и денежным ростовщичеством. В политике же над средним крестьянством, или как в Афинах называлось—*μέσση πολιται*, вырастала торговая аристократия. Базируясь лишь на посреднической роли торговых городов, существуя на монопольном преимуществе их торговых и денежных операций на внешнем рынке, торговый капитал производил только разрушительную работу, подрывая основы старинного общинного быта эллинов, аграрные основы их древних общин. Апогей такого развития торгового капитала в древности был одновременно и моментом наивысшего разложения сельского хозяйства и падения политической роли среднего класса.

При таком социальном положении в Греции симпатии ораторов и публицистов, пытавшихся найти выход из кризиса, не направлялись ни в сторону демоса, от которого аристократу нечего было ждать, ни в сторону торговой аристократии, в которой жажда наживы и стяжания «мешала все сословия». Отсюда—идеализация строя далекого прошлого, в котором ныне обнаружившиеся болезни общества не находили еще себе места.

Практически это мыслилось в форме возврата к аграрному строю в экономике и к среднему зажиточному классу крестьянства в политике. Идеи Еврипида о некоем среднем между тиранией и демократией в госу-

дарстве с опорой последнего на третье сословие, или класс средних граждан, идеи Исократа, Ксенофонта и Аристотеля о земледелии и *μέσσι πολιται* пытаются именно путем возврата к прошлому разрешить современный кризис.

У Платона же это было выражено более полно и последовательно. Если Еврипид, Исократ, Ксенофонт, Аристотель и др. дают лишь некоторые мысли, отдельные фрагментарные зарисовки, то в «Законах» Платона мы имеем разработанный в деталях план, дающий нам нечто цельное и законченное. Для Платона не представляет сомнения разлагающая роль торгового капитала. Еще в «Политии» он формулирует отрицательное отношение к нему, подчеркивая, что он раздваивает каждый город на два враждебных класса, вооружая жалами ненависти одних и безграничным стяжательством других¹. В «Законах» он не отступает от такой оценки торгового капитала. И это лучше всего выражено в его отношении к торговле, ремеслу, денежным отношениям и т. д. Критика торгово-капиталистических элементов в хозяйстве служит в плане «Законов» как бы прологом для положительной части, в которой он пытается разрешить проблему, дать ответ на волнующий общество вопрос, где же конкретный выход.

Если только распределить землю равномерно, чтобы не допустить преимущества одних над другими, то при таком занятии исчезает, по мысли Платона, и взаимная борьба классов. В плане же «государства магнетов» такое распределение достигается не только путем равномерного наделения всех земель, но и путем сохранения числа 5040 наделов, не допуская также ни уменьшения, ни увеличения их, каждого в отдельности. Неотчуждаемость и неделимость таких наделов и безусловное запрещение продажи или покупки их должны служить как бы законами, гарантирующими статический, неподвижно-спокойный социальный порядок Магнезии. Как правильно замечает Salin, механической скрепой этого нового государства является именно с т а т и к а, и всякая динамическая область для него означала бы распад этого государства².

Проводя строго аграрный порядок в экономике государства, Платон и к политике допускал только владельцев земельных наделов. Только владелец размеренного клера мог выступать в политической жизни, как гражданин. Этот класс земледельцев с равными наделами, средние по богатству граждане или воспетый публицистикой «класс средних граждан» у Платона изображается, как единственно прочная опора политического строя города и защиты его от внешних врагов. Мы, таким образом, видим, что наряду с аграрным строем в хозяйстве и идея среднего класса в политике, идея, столь популярная в тогдашней публицистике, нашла свое воплощение в «государстве магнетов».

Что же касается других классов, — ремесленников и торговцев, то они совершенно не допускались к политической жизни. Возможность проявления торгового капитала предупреждалась не только уничтожением свободной купли-продажи земли и установлением земледелия, как основного занятия граждан, ограниченных цензовыми рамками четырех классов, но и исключением торговли и ремесла из хозяйственной жизни нового города и допущением их лишь в мере, в какой они могли обслуживать земледельческое хозяйство.

¹ Plat.—Politeia, 416, 464, 535.

² Ed. Salin, цит. соч., стр. 153.

Таким образом, реакционная суть утопического плана Магнезии, так, как он дан в «Законах» Платона, представляет собою попытку примирить идеал «Политии» с исторической действительностью. Как аристократ, Платон в этом шел путями реакционера: не вперед, а назад. Если в «Политии» автор философской утопии отвлекался от исторической действительности и, следовательно, поднимался над узкими интересами своего класса, то в «Законах», приблизившись к этой действительности, он сразу обнажил свои реакционные классовые устремления.

Строй спартанской родовой общины, старые аграрные порядки «Гортинской правды» на Крите, в общем то, что для классической Греции было уже пройденным этапом,—все это манит к себе Платона.

Таким образом, основной идеей аграрного плана утопической Магнезии является дать набросок не нового общества, а план сохранения старого греческого общества, уже распадавшегося на глазах самого Платона после ударов того социального кризиса, который наступил с особой силой после Пелопоннесской войны.

Не приходится говорить, что такой план сохранения гибнущего общества есть реакционная утопия, какой бы силой философской и исторической аргументации она ни мотивировалась.

В заключение остается сказать, что платоновы реакционные построения нередко становились знаменем реакционной политики в различные исторические эпохи.

В частности, не случайно, что в настоящее время фашистская социальная демагогия в Германии так часто обращается к Платону, к архиву прошлого, прибегает в своей аргументации к отрепью старых идей и теорий.

